

RU

Загадка (не)русских имен в романе Уильяма Джехарди «Тщета: роман на русские темы»

Королева С. Б., Ковалева М. Ю.

Аннотация. В статье исследуется система персонажей в романе Уильяма Джехарди «Тщета» (1922) в имагологическом аспекте. Цель исследования – определить особенности изображения русского мира в романе Джехарди в его взаимодействии с миром европейской культуры в аспекте личности и межличностных отношений. Научная новизна работы обусловлена как недостаточной степенью исследованности основного материала (творчества У. Джехарди в целом и его романа «Тщета» в частности), так и фокусировкой исследовательского внимания на проблеме взаимодействия культурных идентичностей в поле личности одного героя, а также взаимоотношений персонажей. Впервые получены следующие научные результаты: доказано, что в образах главных героев взаимодействуют черты, приписываемые автором миру европейской (немецкой, британской) или русской культур; определено, что фундаментом в выстраивании взаимоотношений между персонажами является проблема национальной и культурной идентичности. В моделях поведения и внутренних реакциях героев выделено общее смысловое ядро, соотносимое в романе с русским миром – точнее, с русским интеллектуальным обществом рубежа XIX–XX вв.: покорность судьбе, состояние ожидания, глубинная отчужденность ото всех. Установлено, что биографический контекст и творчество А. П. Чехова сыграли решающую роль в формировании образа русского мира у английского писателя.

EN

The mystery of (non)Russian names in the novel “Futility: A Novel on Russian Themes” by William Gerhardie

Koroleva S. B., Kovaleva M. Y.

Abstract. The paper examines the system of characters in William Gerhardie’s novel “Futility” (1922) in the imagological perspective. The aim of the study is to determine the features of depiction of the Russian world in Gerhardie’s novel in its interaction with the world of European culture in the aspect of personality and interpersonal relationships. The scientific originality of the paper is due to both the insufficient degree of research of the major material (W. Gerhardie’s works in general and his novel “Futility” in particular) and the scholars’ focus on the problem of interaction of cultural identities in the field of a character’s personality, as well as relations between the characters. The following results were obtained in the course of the research: a) it was proved that the main characters of Gerhardie’s novel possess inner features attributed by the author both to European (German, British) world and to Russian culture; b) it was concluded that the problem of national and cultural identity forms the foundation of relationships between the characters; c) it was discovered that behavior patterns and internal reactions of the characters have a common semantic core correlated in the novel with the Russian world – more precisely, with the Russian intellectual society at the turn of the 19th and 20th centuries: that is, submission to fate, the state of expectation, deep alienation from others; d) it was argued that the image of the Russian world created by Gerhardie in his novel is essentially based on the biographical context and works by A. P. Chekhov.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена интересом современных исследователей (в том числе литературоведов) к проблемам имагологического характера, с одной стороны, и значимостью вопроса о сохранении национальной и культурной идентичности в современном (в том числе российском) обществе, с другой. Именно в русле имагологии освещается в работе вопрос об изображении русского человека и русской культуры во взаимодействии с чертами европейской культуры в романе У. Джехарди; исследуя тему взаимодействия

культурных идентичностей в поле личности героя и в межличностном общении, авторы статьи вносят вклад в изучение (на литературном материале) острой социально значимой проблемы. В то же время в свете усиления внимания отечественных и зарубежных литературоведов к творчеству У. Джекхарди в связи с его значимостью как для русско-английских литературных связей, так и для развития жанра комического романа в англоязычной литературе XX века актуальность предпринятого исследования представляется обусловленной и собственно научным контекстом.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать систему основных персонажей в романе У. Джекхарди «Тщета» с точки зрения их национальной и культурной идентификации;
- 2) определить особенности соотношения русских и «европейских» черт у центральных персонажей романа Джекхарди в контексте его мемуарных высказываний на «русскую» тему;
- 3) сделать вывод о воздействии творчества А. П. Чехова на представления Джекхарди о России, а также о фундаментальных чертах русского характера (или русского интеллектуального общества рубежа XIX–XX вв.).

Исследование выполнено в соответствии с теоретическими положениями и принципами сравнительно-исторического метода литературоведения (основные положения которого послужили методологической базой для установления смысловых связей между восприятием России и русской культуры в Англии в начале XX века, с одной стороны, и отношением к России и русской культуре У. Джекхарди, с другой, равно как для выявления русских и «европейских» черт в характере героев У. Джекхарди, с акцентом на использовании приемов имагологического анализа (которые учитывались при выделении «русского» и «европейского» в мемуарной прозе английского писателя в качестве ближайшего контекста имагологической проблематики его романов) и методики «пристального чтения» (которая позволила выявить «чеховский след» в образах главных героев романа «Тщета» и системно проанализировать их портретные и поведенческие характеристики с учетом различных уровней функционирования слова в художественном тексте).

Основным материалом работы стали роман «Тщета: роман на русские темы» У. Джекхарди (Gerhardie W. Futility: A Novel on Russian Themes / preface by E. Wharton. N. Y.: Duffield Co., 1922), книга его мемуаров «Мемуары полиглота» (Gerhardie W. Memoirs of a Polyglot. L.: Robin Clark, 1990), а также его книга о Чехове (Gerhardie W. Anton Chekhov. L.: Richard Cobden-Sanderson, 1923).

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных исследователей, посвященные теоретическим и практическим вопросам имагологии (в первую очередь восприятия британцами своей культуры (Hobsbawm, 1992; Gervais, 1993; Easthope, 2005), а также России и русских (Королева, 2021; Cross, 1985; Anton Chekhov..., 2008)) и различным аспектам творчества У. Джекхарди (Красавченко, 2017; Королева, 2021; Calisher, 1982; Snell, 2023).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в процессе преподавания литературы народов мира (английской), а также межкультурной коммуникации (в аспекте восприятия и оценки русского характера в другой культуре).

Обсуждение и результаты

Начало XX века для многих европейских писателей проходит под знаком русской культуры: особую значимость для европейских интеллектуалов приобретают русская музыка, балет, живопись, литература. Живым и глубоким интересом к творчеству «великих русских» – Толстого, Достоевского, Чехова, внимательным и в то же время «пересоздающим» осмыслением их творчества отмечен период между 1880-ми и 1920-ми гг. Россия начинает восприниматься как особое явление, способное, в отличие от европейской культуры, «наследовать будущее» (в формулировке Д. Г. Лоуренса) (Цит. по: Королева, 2021, с. 284).

Зачастую духовную основу русского человека, русского характера английские писатели этой эпохи стремятся уловить и выразить в женских образах. Эта тенденция прослеживается в романе «Орландо» Вирджинии Вулф (Королева, Ковалева, 2021), в «русских романах» Х. Уолпола (Ковалева, Королева, 2022), а также в романах У. А. Джекхарди.

Уильям Джекхарди – английский писатель, журналист, автор трагикомических романов, явившихся для Б. Шоу, И. Во, Г. Грина настоящим откровением (Красавченко, 2017, с. 943–944), родился и вырос в России. Будучи сыном богатого английского фабриканта, Джекхарди всегда вращался в кругах политической, промышленной, светской и творческой элиты. Как настоящий полиглот (Джекхарди владел английским, русским, французским и немецким языками), будущий писатель имел возможность читать произведения разных национальных литератур в оригинале. Однако самым значимым для него было влияние русского романа: среди великих произведений мировой литературы он выделял произведения И. С. Тургенева (с их тонкостью в изображении любви), повести Н. В. Гоголя (с их мистичностью и комизмом), произведения Л. Н. Толстого (с их глубоким психологизмом и аналитическим вниманием к деталям) и творчество А. П. Чехова – писателя, которого он буквально боготворил (Красавченко, 2017, с. 945).

Первый литературный опыт Уильяма Джекхарди был связан с русским языком: *I was by now engaged in secret literary activity, writing a book, chiefly in Russian, comprehensively entitled “Joys and Sorrows”* (Gerhardie, 1990, p. 60). / «К тому времени я тайно занимался литературной деятельностью, пытаюсь писать книгу – преимущественно на русском, – с незатейливым названием “Радости и печали”» (здесь и далее перевод выполнен авторами статьи. – С. К., М. К.). Однако не этой неоконченной книге суждено было стать тем литературным творением,

которое принесло его автору признание. Эта роль досталась автобиографическому роману о трех русских женщинах, трех сестрах – “Futility: A Novel on Russian Themes” / «Тщета: роман на русские темы» (1922).

Этот роман, как в целом творчество Уильяма Джехарди, не относится к числу изученных явлений в истории английской литературы. Единственной работой, посвященной личности и творчеству британского писателя, в отечественном литературоведении является статья Т. Н. Красавченко (2017) «Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и гражданской войне». Лишь несколько работ написано о Джехарди и на английском языке: биографическая книга Д. Дэвиса (Davies, 1990), отдельные статьи современных независимых исследователей и писателей (Calisher, 1982; Snell, 2023).

Такое невнимание исследователей к талантливому писателю объясняется в первую очередь его непризнанностью в широкой читательской аудитории. В свою очередь, сама ситуация отсутствия широкого признания в соотнесенности со значительным влиянием на английских романистов порождает недоумение и разного рода догадки. Одна из них озвучена в заглавии и содержании статьи американского исследователя Дж. Снелла в формулировке «русская проблема Уильяма Джехарди» (Snell, 2023). Выдвинув тезис о том, что англоязычный читатель оказался готов воспринимать трагикомическую фарсово-реалистическую природу романов Джехарди в приложении только к русской, а не к английской реальности, Снелл фактически указал на одну из ключевых проблем романного творчества писателя: проблему национальной и культурной идентичности.

В романе «Тщета» эта проблема эмблематично обозначена смешением русских и нерусских элементов в именах героев и развернута в образном, мотивном, сюжетном планах в связи с темой русской революции. Задаваясь вопросом о загадке (не)русских имен «русского» романа Джехарди и ставя своей целью исследовать образы его главных героев в аспекте их национальной и культурной идентичности, мы стремимся определить, каким образом изображение исторической реальности увязано в этом произведении с изображением русского характера, а тема русской революции – с проблемой менталитета.

Тема взаимопроникновения русских и «нерусских» черт менталитета – как в человеке, так и в русском интеллектуальном обществе рубежа XIX-XX вв. – одна из центральных в автобиографической книге У. Джехарди “Memoirs of a Polyglot” / «Мемуары полиглота» (1931). Затрагивая тему британской иммиграции в России и в судьбе своей семьи, Джехарди отмечает, что его дед по линии отца – истинный британец. Волею судьбы он был вынужден переехать в Россию вместе с семьей. Его дети, среди которых был и отец Джехарди, получили образование в Англии и большую часть своего детства и юности провели на родине. Поэтому своего отца писатель также считает носителем исключительно английской культуры. Рассуждая о национальном английском характере, он выделяет «некоторые положительные черты, которые присущи британцам» тех поколений: эти люди живут в формате странничества / “rolling stone” (Gerhardie, 1990, p. 12), для них важно обладать авторитетом в глазах окружающего общества, они предприимчивы, а также щедры на непрошенные советы (Gerhardie, 1990, p. 17).

При этом самого себя Джехарди никогда не идентифицировал исключительно с английской культурой и английским обществом: *That I have spent my first eighteen years in St. Petersburg is something which five years in the British Army, three years at Oxford and the rest of my life in England can never undo. It is the direct contact of environment with the individual himself which determines his “style”* (Gerhardie, 1990, p. 7). / «*Мои первые 18 лет жизни в Санкт-Петербурге – нечто такое, что ни 5 лет службы в британской армии, ни 3 года в Оксфорде, ни вся моя последующая жизнь в Англии не смогут отменить. Только непосредственное взаимодействие окружающей среды и индивидуальности формирует “стиль” человека*». Иными словами, для Джехарди очевидно, что факт его 18-летнего пребывания в России в решающую для формирования характера пору – с рождения и до юности – остро ставит вопрос о его национальной, культурной идентичности; обуславливает двойственность его взглядов и оценок; накидывает на его британскость покров культуры русской – точнее, той ее интеллектуальной версии, с которой он тесно знакомится с первых лет жизни.

Схожую мысль в романе Джехарди «Тщета» озвучивает в отношении себя его главный герой – англичанин, которого все называют русским именем Андрей Андреевич. Тем самым (как и многим другим) писатель высвечивает автобиографическое основание этого образа: *I am one of those uncomfortable people whose national “atmosphere” had been somewhat knocked on the head – an Englishman brought up and schooled in Russia, and born there, incidentally, of British parents (with a mixed un-English name!..)* (Gerhardie, 1922, p. 226). / «*Я принадлежу к той группе неловких людей, для которых национальная “атмосфера” перевернута с ног на голову: я англичанин, выросший и получивший школьное образование в России, родившийся там, к слову сказать, от британских родителей (и получивший при рождении смешанное неанглийское имя!..)*».

Размышляя о русском национальном характере, Джехарди нередко обращается к А. П. Чехову как художнику, пронизательно изобразившему внутренний строй жизни русского интеллектуального общества на рубеже XIX-XX веков. Неслучайно в «Мемуарах полиглота» Джехарди называет Чехова подлинным гением, поражающим читателя «художественным эффектом сдержанности» (Gerhardie, 1990, p. 145-146). В нашумевшей в свое время в Европе книге “Anton Chehov: A Critical Study” / «Антон Чехов: критическое исследование» (1923) – первой англоязычной монографии о русском писателе, драматурге – Джехарди выделяет в качестве значимого для него философско-эстетического феномена модель поведения чеховских персонажей, связанную с убежденностью в том, что жизнь человека не должна или не может быть упорядочена, что человек может просто довериться судьбе (истории) и ждать, когда ситуация сама разрешится (Gerhardie, 1923, p. 21-26).

Это открытие Джехарди трактовал неоднозначно: такая модель поведения для писателя казалась притягательной, сущностно русской – и непродуктивной, антибританской. Герой его романа «Тщета» Андрей Андреевич – alter ego автора – против этого мироощущения (в его отражении в чеховских пьесах) выступает

прямо и категорично: *To me, buoyant and impatient, the people in the play appeared preposterous. They annoyed me. They distressed me intensely. Their black melancholy, their incredible inefficiency, their paralysing inertia, crept over me. <...> They can't do what they want. They can't get where they want. They don't even know what they want. They talk, talk, talk, and then go off and commit suicide or something. <...> Why can't people know what they want in life and get it?* (Gerhardie, 1922, p. 16). / «Мне, жизнерадостному и нетерпеливому, люди в пьесе казались нелепыми. Они раздражали меня. Они сильно огорчали меня. Их черная меланхолия, их невероятная бездейственность, их парализующая инертность захватывали меня. <...> Они не могут делать то, что хотят. Они не могут попасть туда, куда хотят. Они даже не знают, чего хотят. Они говорят, говорят, говорят, а потом уходят и совершают самоубийство или что-то в этом роде. <...> Почему эти люди не понимают, что они хотят от жизни, и не пытаются этого достичь?».

Отчужденность друг от друга, эгоцентричность, нежелание выстраивать свою жизнь, неспособность стремиться к цели и добиваться чего-то в жизни составляют суть той атмосферы, которую создает (или воссоздает) Джехарди на страницах своего романа «Тщета», ассоциируя все эти особенности с творчеством Чехова, с одной стороны, и с подлинными настроениями жизни русского интеллектуального общества в России начала XX века, с другой. С самого начала романа перед читателем предстает жизнь (не)русской семьи на фоне бурных событий Революции 1905 года сквозь призму исследований русской души и в свете остроумной пародии на русскую литературу. Прототипом главного героя Андрея Андреевича является сам автор, Уильям Александр Джехарди. Главный герой, как и писатель, родился и большую часть своей жизни (до 18 лет) прожил в Санкт-Петербурге. Родители Андрея Андреевича – британцы. Русским языком он владеет лучше, чем английским. Все эти детали автобиографичны, они в то же время служат символом инаковости героя не только с точки зрения жизни британца в русской среде, но и в аспекте неспособности героя идентифицировать себя с русским национальным характером, культурой, менталитетом.

Действительно, в образе Андрея Андреевича прослеживаются как британские, так и русские черты. Как бы художественно воплощая суждения о британскости отца и деда в «Мемуарах» Джехарди, его главный герой не живет на одном месте: за время повествования Андрей Андреевич переезжает не один раз. Кроме того, он определенно старается заслужить уважение в том интеллектуальном обществе, частью которого он является в Санкт-Петербурге. Ему важно, что о нем могут подумать окружающие, даже если эти люди не обладают авторитетом в его глазах. Так, во время встречи с Магдой Николаевной, матерью трех сестер, бросившей их и мужа ради любовника, Андрей Андреевич старается произвести на нее положительное впечатление: *I heard the faint sound of a woman weeping. <...> As I came nearer, I saw that it was Magda Nikolaevna Bursanova. My first impulse was to dash upstairs for a glass of water. But the sobs died away at my approach. I raised my hat* (Gerhardie, 1922, p. 52). / «Я услышал слабый звук женского плача. <...> Когда я подошел ближе, я увидел, что это была Магда Николаевна Бурсанова. Моим первым порывом было подняться вверх за стаканом воды. Но как только я вернулся, рыдания стихли. Я приподнял шляпу». Особенно очевидно в аспекте «выделенности» британских черт в его внутреннем мире желание Андрея Андреевича решить проблемы других, даже если они не просили его помощи. Стараясь найти выход из сложной ситуации, в которой оказалась семья Бурсановых, герой тратит целую ночь на обдумывание плана и даже рисует сложную схему, которую с гордостью представляет старшей дочери на следующий день, поясняя: *I had wanted to help, to be a friend to all those helpless, charming and kind-hearted people* (Gerhardie, 1922, p. 63). / «Я жаждал помочь им, я хотел стать другом всем этим беспомощным, очаровательным и добросердечным людям».

Оказавшись публично непринятым, осмеянным, Андрей Андреевич как будто переступает границу между «русским» и «британским», и теперь доминантой его образа выступают некоторые черты, соотносимые с русским характером в том самом виде, в котором Джехарди мог наблюдать их в пьесах Чехова. Он оказывается отстраненным и отдается во власть судьбы. Больше он не пытается противиться ей, но, внутренне регистрируя внешние события, живет ожиданием. Можно сказать, что он становится частью русского интеллектуального общества рубежа веков: как и русские персонажи романа, Андрей Андреевич только наблюдает за революцией в Петербурге и, находясь в состоянии постоянного ожидания, надеется, что судьба сама решит за него, куда ему двигаться и как жить. Он больше не пытается решить проблемы семьи и помочь возлюбленной. Теперь в центре его жизни – его собственные переживания и эмоциональные состояния.

Однако отъезд Бурсановых снова возвращает героя в прежнюю жизнь: *I felt as if I was being freed from prison. I sat in the crowded, heated restaurant and watched the life bubbling about me – watched it in excitement, in exultation* (Gerhardie, 1922, p. 255). / «Я чувствовал себя так, словно меня освободили из тюрьмы. Я сидел в переполненном, забитом ресторане и наблюдал за бурлящей вокруг меня жизнью – наблюдал за ней с волнением, в ликовании». Андрей Андреевич внутренне возвращается к тому своему британскому «я», которое доминировало в нем до встречи с Бурсановыми.

Другим персонажем, отмеченным взаимопроникновением европейского и русского, является в романе мачеха сестер немка Фанни Ивановна. Прообразом героини стала помощница матери Уильяма Александра Джехарди – «компетентная немецкая фрейлейн», которая проживала вместе с семьей практически с рождения писателя. Она заботилась о детях и помогала по хозяйству. В «Мемуарах полиглота» Джехарди отменчал страсть «фрейлейн» к порядку, а также ее чрезмерную опеку над детьми. Именно эти черты, свойственные, как намекает Джехарди, немецкому национальному характеру, легли в основу образа Фанни Ивановны.

Фанни Ивановна – старший ребенок, который довольно рано повзрослел: после смерти отца именно она должна была обеспечивать всю большую семью – сестер, братьев, мать, бабушку, дедушку и двух тетушек. Во время жизни в Германии Фанни Ивановна упивается своим самопожертвованием ради близких: *I revelled*

in my sacrifice (Gerhardie, 1922, p. 28). / «Я наслаждалась своей жертвой». При этом она склонна к рефлексии и самокопанию, весьма меланхолична и часто размышляет о том, как изменить свою судьбу в лучшую сторону и внедрить в свою жизнь четкий порядок. Встретив Николая Васильевича, богатого русского мужчину, который способен решить все ее проблемы (и финансовые, и душевные), она принимает решение переступить границу не только физически, но и морально. Фанни Ивановна отправляется с ним в Россию в статусе любовницы.

Последующее развитие ее образа в романе стоит под знаком глубокого воздействия русского пространства на человека. Совершенно удивительно, что как только Фанни Ивановна пересекает физическую границу России, ее склонность к самовосхвалению и жалости по отношению к себе мистическим образом разрушается, а на их месте появляется искреннее стремление помочь детям Николая Васильевича. Центром ее внутренней и внешней жизни становятся девочки-сестры, для которых она заменяет мать: *I had begged of him, entreated him, insisted on it. Divorce or no divorce, you must keep the children <...> And such nice, tender, beautiful girls they were too, Sonia and Nina, so loving, so good, so pretty, so obedient, so well-behaved. Everyone who saw them said to me wonderful children you have. You must be so proud of them! I was* (Gerhardie, 1922, p. 30). / «Я просила его, умоляла, настаивала. Разводитесь вы или не разводитесь, ты должен беречь детей <...> И такими милыми, нежными, красивыми девочками они были, Соня и Нина, такими любящими, такими прелестными, такими хорошенькими, такими послушными, такими воспитанными. Все, кто их видел, говорили, какие замечательные у вас дети. Вы, должно быть, так гордитесь ими! И я действительно ими гордилась». Фанни Ивановна жертвует своей гордостью, статусом в обществе, рискует навсегда испортить отношения с семьей не ради себя, а ради чужих детей – двух сестер, оставшихся без матери.

Подобная жертвенность характерна для образа русской женщины, каким он вошел в английскую литературу эпохи модернизма. Так, в «русских» романах Хью Уолпола эта черта становится доминантой образа русских героинь – Марии Ивановны Крассовски из романа «Темный лес» и Веры Михайловны Маркович из романа «Секретный город». Первая жертвует своей жизнью и своим счастьем ради других людей и отправляется работать медсестрой на фронт, где погибает. Вторая приносит в жертву свою счастливую жизнь с любимым человеком ради счастья своих детей и мужа, которого она больше не любит, но не перестает уважать и опекать (Ковалева, Королева, 2022).

При этом сквозь жертвенность в характере Фанни Ивановны проступают и другие черты, которые в своих рассуждениях о Чехове Джекхарди связывает с современным им обоим русским интеллектуальным обществом: отчужденность от социальной действительности и вечное ожидание светлого будущего. Так, героиня не старается изменить свое положение: она принимает свой статус любовницы и просто ждет, что однажды что-то произойдет, и она наконец-то станет законной женой.

Войдя в русское пространство, став частью русского мира, она, подобно британцу Андрею Андреевичу, начинает копировать поведение окружающих ее людей. Узнав об измене своего гражданского мужа, она не уходит сама, но надеется, что он одумается и вернется. В заключении романа Фанни Ивановна, проводив трех сестер в новую жизнь, выбирает спокойную жизнь с Николаем Васильевичем, равно отчужденную от социальных бурь и новых впечатлений.

При этом нельзя утверждать, что после погружения в русскую жизнь Фанни Ивановна полностью утрачивает немецкие черты своего характера. Героиня, как и ее прообраз, в соответствии с протестантским акцентом на деятельностном отношении к жизни, на организованности своего труда постоянно трудится и очень настойчиво и упорядоченно организует быт семьи: следит за хозяйством, ведет домашние дела, занимается рукоделием, воспитывает и опекает девочек. Она, как и Андрей Андреевич, внутренне существует на границе двух культурных миров, приспособившая свои ментальные установки к миропониманию и поведению окружающих.

В существовании на границах западной и русской культур раскрываются и образы главных героинь романа «Тщета» сестер Бурсановых – Сони и Нины. Примечательно, что в характере младшей сестры Веры сложно найти подобное сочетание черт. Это объясняется не только биологически (отец Веры – другой мужчина), но и социально. Одиннадцать лет жизни Вера прожила со своей матерью и отцом вдали от девочек. Это выстроило жесткую границу между ней и ее приемной семьей.

Соня – старший ребенок в семье Бурсановых. О внешности героини говорится немного: Джекхарди описывает ее как хорошенькую, привлекательную девушку. Однако в ее характере мы видим черты, абсолютно не соответствующие миловидной внешности. Так, на протяжении всего романа Соня проявляет враждебность по отношению к отцу Николаю Васильевичу Бурсанову. И этому есть причина: отец девочек живет двойной жизнью. Днем он проводит все свое время с молодой любовницей и ее семьей, а домой приходит только ночью. За 15 лет Николай Васильевич так и не сделал предложение Фанни Ивановне – женщине, которая заменила девочкам мать. Именно это предательство и послужило причиной ухудшения отношений старшей дочери и отца: *Sonia was really angry. "I would rather he didn't come at all, than just come to sleep here. Let him stay there!"* (Gerhardie, 1922, p. 20). / «Соня была по-настоящему зла. "Я бы предпочла, чтобы он вообще не возвращался, чем просто приходил сюда ночевать. Пусть там и остается!"».

Определенно, важными чертами характера героини являются вспыльчивость, эмоциональность, меланхоличность, но в большей степени – легкомысленность и инфантильность. Она выходит замуж за барона Вундерхаузена, который становится настоящей обузой для семьи, поскольку женится на Соне из-за состояния ее отца, чего не скрывает. При этом и сама героиня выходит замуж не из-за сильных чувств к барону, но из-за легкомысленного отношения к браку. Соня по-прежнему продолжает жить в доме родителей (куда перевозит и мужа) на полном обеспечении отца.

Отметим, что легкомысленность и поверхностность, в представлении Уильяма Джехарди, присущи русским женщинам интеллектуальных кругов. Рассуждая о своих русских возлюбленных в мемуарах, автор пишет: *When I have complained to women of the sort of stupidity which seems typical of their sex, they invariably exclaim: "Ah, but you have but yourself to blame. Look at the women you consort with. Why don't you choose for companions intelligent women," presumably such as themselves; and I invariably found that the stupidity of the women I had complained of, and which had shocked my listeners more than myself, was precisely of a kind indistinguishable from their own* (Gerhardie, 1990, p. 167-168). / «Когда я жалуясь женщинам на глупость, которая кажется типичной для их пола, они неизменно восклицают: "Ах, но винить вам следует только себя. Посмотрите на женщин, с которыми вы общаетесь. Почему бы вам не выбрать себе в спутницы умных женщин", предположительно таких же, как они сами; и я неизменно обнаруживаю, что глупость женщин, на которых я жалуясь и которая шокирует моих слушателей больше, чем меня самого, неотличима от их собственной».

Для Джехарди, однако, женская глупость – черта не столько отталкивающая, сколько привлекательная. Именно легкомысленная женщина, как считает Джехарди, очаровательна в своей непосредственности и цельности. По мнению Джехарди, умная женщина рассуждает так же, как и мужчины, и, разделяя их убеждения, просто подтверждает их собственные сомнения, вгоняя в тоску и уныние. И только в легкомысленной девушке присутствует тот дух жизнелюбия, радостной игривости, который способен счастливо поддерживать любовь к жизни и стремление к творчеству, достижениям и победам в окружающих их мужчинах.

Итак, Соня обладает чертами, в литературном смысле восходящими, по всей видимости, к творчеству А. П. Чехова и в то же время имеющими социально-исторические основания в жизни русского интеллектуального общества рубежа XIX-XX вв. Однако этими чертами не исчерпывается ее характер: она, как и все остальные центральные персонажи романа Джехарди, совмещает в себе «русское» и «европейское». Она, как бы отражая в себе «британскость», отмеченную в «Мемуарах полиглота» Джехарди, отличается «предприимчивостью», решительностью и стремлением довести дело до конца. Так, во время одного из семейных вечеров Соня (вместе с сестрами) настаивает на том, чтобы станцевать модный европейский вальс, и приказывает отцу снова и снова играть на пианино простую и некрасивую мелодию для развлечения гостей. Кроме того, подобно воспитавшей сестер немке Фанни Ивановне, героиня сдержана в проявлении своих подлинных чувств – именно поэтому истинные мотивы ее поступков остаются скрытыми не только от Андрея Андреевича, но и от читателя: почему Соня вышла замуж за барона Вундерхаузена? По какой причине она уплывает с сестрами в Китай? Все это остается загадкой.

Последний, но не менее важный персонаж для исследования – средняя сестра Нина, возлюбленная Андрея Андреевича. Примечательно, что эта героиня и ее отношения с главным героем не являются полностью художественной выдумкой. До отъезда в Оксфорд в 1918 году во Владивостоке Уильям Джехарди познакомился с русской девушкой Ниной, в которую был безответно влюблен. Нина не ответила на его чувства, но, даже несмотря на это, ее образ «преследовал» писателя еще много лет: *I wrote love letters to Nina, vowing not to forget her for ten years, and to-day, a month before the expiry of time, I received a letter from her, now a married woman, and just arrived in Paris after ten years in China – and perhaps we shall meet* (Gerhardie, 1990, p. 167). / «Я писал любовные письма Нине, клялся, что и за десять лет не смогу ее забыть, и вот сегодня, за месяц до окончания этого срока, получил письмо от нее, ныне замужней женщины, только что приехавшей в Париж после десяти лет, проведенных в Китае, – и, возможно, у нас получится встретиться».

В своих дневниках Джехарди неоднократно отмечал особую красоту русских женщин, особенно Нины, взгляд которой – романтический, загадочно-непроницаемый и иногда даже демонический – придавал ее внешности особое очарование. Подобное можем увидеть и в описании возлюбленной главного героя романа: *...those steel-grey eyes softened by a charming, disquieting, side-long look that was hers to give; and every now and then she would look straight into your eyes – anybody's eyes – down into your very soul, bathing her soul in your soul, causing you to feel as though you were indeed "the only man who really mattered in the world"* (Gerhardie, 1922, p. 14). / «...стальной цвет ее серых глаз смягчался то очаровательным, то тревожным, то косым взглядом; время от времени она смотрела прямо в ваши глаза – или глаза кого-нибудь еще – смотрела прямо в самую душу, погружая свое сердце в ваше, заставляя вас чувствовать, что вы – "единственный человек во всем мире, который имеет значение"».

Эта героиня романа Джехарди отличается упрямством; говорит в наполовину серьезной, наполовину шутиливой манере; часто «огрызается» на своего отца, не будучи способной простить ему предательства семьи. Однако отец – не единственный мужчина, к которому героиня относится пренебрежительно. Нина знает о чувствах Андрея Андреевича и с удовольствием принимает его ухаживания. При этом становится ясно, что ответной любви она не испытывает – только симпатию и желание потешить собственное эго. Героиня часто смеется над ним злым, саркастичным смехом. Примечателен следующий эпизод ее издевательств над главным героем. Андрей Андреевич, стараясь устранить все неприятности из жизни семьи Бурсановых, продумывает план решения их проблем. Своим секретом он делится с Ниной. Однако она реагирует неожиданным образом: *She had been making fun of me all the time, even while we were bending with such a serious mien over the chart and diagram. And I perceived that her serious look, her interest in the scheme a while ago, was all deliberately put on to commit me more deeply to the exposition of my scheme in order to make more fun of me afterwards* (Gerhardie, 1922, p. 69). / «Она все время насмеялась надо мной, даже когда мы вместе с таким серьезным видом склонились над схемой и диаграммой. И тогда я понял, что ее серьезный вид, ее интерес к моему плану, который был так отчетливо виден некоторое время назад, был всего лишь игрой, дабы еще больше вовлечь меня в изложение моего плана и в конце концов посмеяться надо мной». Нина наигранно, искажая план Андрея Андреевича, рассказывает

о нем всей своей семье и гостям. А после – отвечая отстраненно, глядя на героя холодно и безразлично, продолжает выводить его из себя. В конце разговора Андрей Андреевич заявляет, что уходит навсегда, и тогда Нина вместе со своей семьей всего лишь смотрит с балкона сверху вниз ему вслед и громко смеется.

Подобно старшей сестре Соне, Нина не имеет цели и живет в вечном ожидании. Такое состояние душевной отчужденности ото всех, кроме сестер, а также надежда на то, что судьба сама все решит и жизнь внезапно изменится в положительную сторону, сближают сестер Бурсановых с чеховскими героинями. С другой стороны, воспитание Фанни Ивановны внесло в характер девушки «европейские» черты. Нина сдержана в проявлении чувств и эмоций: в момент, когда отец неоднократно просит ее остаться и не уезжать к матери, героиня внимательно слушает его, а затем молча разворачивается и уезжает: *...no excess of emotion was displayed* (Gerhardie, 1922, p. 25). / «...не было ни одной лишней эмоции». Похожее проявление сдержанности и отстраненности видим и в эпизоде с доктором Эйзенштейном – любовником матери девочек. В момент, когда Эйзенштейн в истерике приходит в дом сестер, падает на колени, плачет и умоляет Нину поговорить с мамой, героиня отвечает холодно, отчужденно и называет его безнадежным мужчиной. Примечателен и тот факт, что следом за Ниной в диалог вступает Фанни Ивановна и на плохом русском языке практически дословно повторяет слова приемной дочери. Кроме того, героиня отвергает публичные проявления чувств: *If there's one thing that Nina simply cannot stand, it is being made love to... above all in French!* (Gerhardie, 1922, p. 77). / «Если и есть что-то, что Нина просто не выносит, так это когда в нее влюбляются... прежде всего по-французски».

В конце романа Нина уезжает с сестрами из Владивостока в Шанхай, что знаменует конец любви главного героя. Однако Андрей Андреевич не отчаивается – его спасает литература. После разговора с неким писателем он понимает, что искусство и творчество – это способ пережить свою жизнь заново, запечатлеть свой опыт и переживания в памяти, а после – отпустить и начать жизнь с нового листа.

Заключение

В романе «Тщета» Уильяма Джехарди проблема национальной и культурной идентичности, эмблематично обозначенная смещением русских и нерусских элементов в именах героев, воплощается на образном, мотивном, сюжетном планах. Предпринятое исследование позволило сделать следующие выводы:

1. За загадкой (не)русских имен скрывается проблема самоидентификации героев, находящихся в ситуации внутреннего пограничья, то есть своеобразного индивидуального взаимодействия (или же столкновения) русской и европейской (британской или немецкой) культур в их моделях поведения, мировоззрении, характере.

2. Сложно сочетаясь и по-разному определяясь в образах мужских и женских героев, элементы разных культурных, национальных миров намекают как на загадку человеческой личности, так и на сложности ее самоопределения на границах национальных миров. Можно предположить, что это связано с собственным мироощущением писателя, которое находит своеобразное отражение в образах его героев.

3. Делая вслед за Чеховым (как его воспринял Джехарди) доминантой в образе героев-интеллектуалов, погруженных в жизнь русского общества рубежа XIX-XX вв., покорность судьбе, вечное ощущение ожидания и глубинную (душевную) отчужденность ото всех, английский писатель именно эти черты (в отличие от В. Вулфа или У. Уолпола) выделяет в качестве знаковых для современной ему русской интеллектуальной культуры. Обнаруживая их в разных (в том числе лишь отчасти русских) героях своего романа, он обнажает не только удивительную силу их воздействия, но и их внутреннюю связь с революционными мятежами в России начала XX века.

Рассмотрение смысловой связи между «чеховскими» чертами в характере главных героев романа У. Джехарди и его революционным хронотопом можно обозначить в качестве очевидной перспективы дальнейшего исследования. Более масштабной видится перспектива изучения рецепции творчества Чехова в творчестве Джехарди: в поэтике его романов, в его научно-просветительской книге о Чехове, в восприятии им русского мира в целом и русской революции в частности.

Источники | References

1. Ковалева М. Ю., Королева С. Б. Жертвенность и свобода: образы русских женщин в романах Хью Уолпола // Вестник Московского городского педагогического университета. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 4.
2. Королева С. Б. Миф о России в британской культуре. М.: Флинта, 2021.
3. Королева С. Б., Ковалева М. Ю. Образ русской княжны в романе В. Вулфа «Орландо»: в диалоге с женскими образами Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2021. № 4.
4. Красавченко Т. Н. Уильям Джехарди: английский писатель с русским акцентом – о революции и Гражданской войне // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4.
5. Anton Chekhov in English. 1998-2008 / ed. by P. Henry. Oxford: Northgate Books, 2008.
6. Calisher H. William Gerhardie: A Resurrection // The New Criterion. 1982. November. <https://newcriterion.com/issues/1982/11/william-gerhardie-a-resurrection>
7. Cross A. The Russian Theme in English Literature. From the Sixteenth Century to 1980. An Introductory Survey and a Bibliography. Oxford: Oxford University Press, 1985.

8. Davies D. William Gerhardie: A Biography. Oxford: Oxford University Press, 1990.
9. Easthope A. Englishness and National Culture. L. – N. Y.: Routledge, 2005.
10. Gervais D. Literary Englands. Versions of 'Englishness' in Modern Writing. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
11. Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
12. Snell J. William Gerhardie's Russian Problem // Engelsberg Ideas. 2023. April, 19. <https://engelsbergideas.com/notebook/william-gerhardies-russian-problem/>

Информация об авторах | Author information

Королева Светлана Борисовна¹, д. филол. н., доц.
Ковалева Марина Юрьевна²

^{1,2} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

Koroleva Svetlana Borisovna¹, Dr
Kovaleva Marina Yurievna²

^{1,2} Linguistics University of Nizhny Novgorod

¹ svetlakor0808@gmail.com, ² kovalevamarina.yu@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.10.2023; опубликовано online (published online): 13.12.2023.

Ключевые слова (keywords): У. А. Джехарди; А. П. Чехов; образ русской женщины; проблема национальной и культурной идентичности; имагология; W. A. Gerhardie; A. P. Chekhov; image of a Russian woman; problem of national and cultural identity; imagology.